
Преданіе Церкви и преданія школы ¹⁾.

Крещеніе, купно съ сопровождающимъ его рукоположеніемъ и миропомазаніемъ, творитъ члена Церкви, лаика, мірянина. Оно переноситъ на каждаго крещаемаго и черезъ него становящагося членомъ Церкви, тотъ благодатный даръ, который по отношенію къ всему человѣчеству или, точнѣе, ко всѣмъ званымъ и призваннымъ, подалъ Христосъ смертію своею и воскресеніемъ. Черезъ крещеніе подается благодать освобожденія отъ грѣховъ, возрожденія, усыновленія о Христѣ, воскресенія Духа Святаго, который по непреложному свидѣтельству одного изъ участниковъ Пятидесятницы сходитъ на каждаго омытаго и возрожденнаго крещеніемъ также, какъ сошелъ онъ вначалѣ на апостоловъ. (Дѣян. X, 47; XI, 15). Слѣдующія за крещеніемъ таинства либо запечатлѣваютъ и поддерживаютъ благодать, полученную при крещеніи (миропомазаніе, евхаристія), либо восстанавливаютъ ослабленное и утраченное (покаяніе, отчасти елеосвященіе), либо укрѣпляютъ и приспособляютъ полученное въ виду особаго призванія и особаго служенія Богу и Церкви (бракъ, священство). Если слѣдующими за крещеніемъ таинствами и восполняется благодать, полученная при крещеніи,—а она безспорно восполняется, ибо никто въ дѣйствительности не обладаетъ тѣмъ, что получаетъ потенциально при вступленіи въ Церковь и въ новую жизнь,—то это восполненіе въ значительной степени уступаетъ величію и объему первоначально преподаннаго: освобожденію отъ грѣха, возрожденію, усыновленію, облеченію во Христа, ниспосланію Духа Свя-

¹⁾ Продолженіе. См. „Богосл. Вѣстн.“ Май 1909, 32—44 стр.

таго. А. А. Дмитриевскій въ книгѣ своей „Ставленникъ“ обращаетъ совершенно особое вниманіе на второстепенные обряды возведенія въ священныя степени, древность которыхъ не всегда можетъ быть доказанной, и придаетъ имъ совершенно особенное значеніе. Такъ особенно многозначительнымъ является для него то, что только при рукоположеніи епископа держится раскрытое евангеліе надъ головою ставленника. Но почтенный ученый не обратилъ вниманіе на то, что по изданнымъ имъ, но находящимся и у Гоара чинопослѣдованіямъ, раскрытое евангеліе держится также (и не діаконами даже, а священниками) и надъ главою рукополагаемаго болящаго при елеосвященіи. Особое также значеніе придаетъ почтенный ученый тому, что при возведеніи въ степень рукополагаемый облачается въ одежду, соответствующую новой степени: пѣвца, чтеца, діакона, пресвитера, епископа. Но опускаетъ онъ изъ вида то, что рукоположенный при крещеніи уже облеченъ въ одежду нетлѣвнiя, облеченъ во Христа, что безспорно выше облеченія стихаремъ, фелонью, или омофоромъ. Насколько велико значеніе народа святаго и входящихъ въ составъ его ланковъ или мірянъ, черезъ крещеніе получающихъ это значеніе, можно видѣть изъ богослужебно-молитвеннаго участія ихъ въ совершеніи самихъ же таинствъ. Они молитвенно призываютъ, какъ и священникъ, наитіе Духа Святаго на воду крещенія; они молятъ, какъ и священникъ, чтобы вода эта стала банею возрожденія для крещаемого; они молятъ о томъ, чтобы крещаемый явился сыномъ свѣта и наслѣдникомъ вѣчныхъ благъ, сталъ участникомъ смерти и воскресенія Христа Бога нашего. Они въ евхаристіи благодарятъ вмѣстѣ съ священникомъ и скрѣпляютъ тайнодѣйствєнные слова его черезъ: аминь—да будетъ. Они въ таинствѣ покаянія вмѣстѣ со священникомъ же или епископомъ молитвенно испрашиваютъ кающемуся отпущеніе грѣховъ и возвращеніе его въ Церковь. Они призываютъ благодать Духа на брачующихся и благодать исцѣленія на болящихъ въ елеосвященіи. Они же, наконецъ, призываютъ ниспосланіе благодати Духа Святаго на возводимыхъ во всѣ степени церковнаго служенія. Какъ участвующіе во всѣхъ священнодѣйствіяхъ Церкви они исполняютъ и священническое служеніе, ибо и священникъ въ свою очередь совер-

шаетъ только молитвы, общія съ Церковью и скрѣпленныя ею, и не творитъ магическія заклинанія, по данной ему разѣ навсегда силѣ. Оттого то апостоль Петръ всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ взятыхъ въ удѣлъ, всю Церковь, а не однихъ только пресвитеровъ, о которыхъ говоритъ онъ позднѣе, называетъ „царственнымъ священствомъ“. Оттого то въ основаніи, какъ согласно писанію, справедливо и восклицаніе Тертуллиана: *Nonne et laici sacerdotes sumus?* Но оно справедливо только въ основаніи и въ обоснованіи его на словѣ Писанія, а отнюдь не въ дальнѣйшемъ развитіи, которое само по себѣ является исповѣданіемъ религіознаго индивидуализма и не сознательнымъ отрицаніемъ Церкви. „Писано, говоритъ Тертуллианъ: и сдѣлалъ насъ царями и Священниками Бога и Отца Своего. Различіе между клиромъ и народомъ (*inter ordinem et plebem*) установила власть Церкви и часть собранія клира. Оттого, гдѣ нѣтъ собранія клира (*ubi ordines non est consensus*), будь себѣ самому и приносящимъ и помазующимъ и священникомъ. Но гдѣ трое, т. е. мірянъ, тамъ Церковь“ (*De exhort. castit.* 7). И приноситъ, и помазуетъ и священнодѣйствуетъ священникъ только по тому, что *вся* Церковь ввѣрила ему служеніе это и уполномочила его къ нему черезъ призваніе на него ею благодати Св. Духа. Но и священникъ приноситъ, помазуетъ и священнодѣйствуетъ не одиноко, не обособленно, не самъ за себя и не самъ отъ себя, но при молитвенномъ и духовномъ сотрудничествѣ *всей* Церкви, уполномочившей его на предстоительство. Являясь самостоятельными, одинокими священниками для самихъ себя, мы съ одной стороны присвоивали бы себѣ благодать, которую вся церковь не передавала намъ силою молитвъ своихъ, а съ другою разрушали бы тотъ духовный строй Церкви, который не только восприняли, но который и сами поддерживаемъ черезъ молитвенное призываніе благодати Духа Святаго при возведеніи въ степень священства. Слова: „гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, тамъ и я посреди нихъ“ (Матѣ. XVIII, 20) сказаны Христомъ до основанія Церкви, до общанія создать ее, и никакого указанія на Церковь въ себѣ не заключаютъ, будучи только поясненіемъ предшествующихъ словъ Его: „Если двое изъ васъ согласятся просить на землѣ о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили будетъ

имъ отъ Отца Моего небеснаго“. Христосъ обѣщаетъ быть посреди согласныхъ между собою и собранныхъ во имя Его двоихъ или троихъ (*ἐν μεβω αὐτῶν*), чтобы услышать и исполнить ихъ молитву. Но Онъ не посреди Церкви, а живетъ въ ней, какъ въ тѣлѣ, Самъ является главою ея, т. е. верховною частью того же тѣла, а не только слушаетъ и исполняетъ ея молитвы, но и усыновляетъ Богу всѣхъ принадлежащихъ къ ней, Онъ предалъ себя за нея, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова, чтобы представить ее себѣ славною Церковью, не имѣющею пятна или порока“ (Ефе. V, 25—27), что совершенно отлично отъ обѣтованнаго отношенія къ двумъ или тремъ. Но если глубоко ошибочно, легкомысленно подхватываемые многими выводы Тертуллиана изъ словъ Писанія о всеобщемъ священствѣ вѣрующихъ, то это отнюдь не ослабляетъ значеніе самыхъ словъ, подтверждаемыхъ богослужебною практикою Церкви, въ которой священнодѣйствуютъ или участвуютъ въ священнодѣйствіи всѣ сообща. Оттого то въ устахъ первыхъ церковныхъ писателей Церкви слово іерей никогда не является синонимомъ священнослужителя Церкви, ибо іерейство принадлежитъ не имъ однимъ. „И содѣлавшему насъ царями Богу и Отцу Своему“ (Откр. I, 6). Оттого то и каноны, за весьма немногочисленными исключеніями, никогда не говорятъ объ іереяхъ или священникахъ Церкви, но всегда говорятъ только о служителяхъ (діаконахъ) старшихъ (пресвитерахъ) и наблюдателяхъ—епископахъ. Но если лаики или міряне, получившіе званіе это черезъ включеніе ихъ при крещеніи въ родъ избранный, племя святое, народъ обновленія, составляютъ и царственное священство, не выходя изъ состава клира въ общемъ широкомъ значеніи этого слова, то и клирики, какой бы степени ни достигали они, не выходятъ изъ состава народа святого, рода избраннаго, не перестаютъ быть членами того народа, т. е. лаиками или мірянами, ибо въ этомъ званіи дана имъ основная, высшая благодать, участниками коей продолжаютъ они быть и въ высшемъ церковномъ своемъ служеніи. Поэтому, если вѣрно, какъ основанное на Писаніи, восклицаніе Тертуллиана: *nonne et laici sacerdotes sumus?* то также вѣрно, какъ сообразнѣе съ тѣмъ же писаніемъ было бы и восклицаніе: *nonne et sacerdotes laici sumus*: Священники не надъ народомъ,

но въ народѣ, не надъ церковью, но въ Церкви“. И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви во первыхъ апостолами и т. д. (1 Кор. XII, 28). Скажемъ болѣе: они въ стадѣ, а не надъ стадомъ. И это говоримъ не мы, а сами апостолы. „Внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ (а не надъ которымъ) Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями (*επισκοποις*) пасти Церковь Господа и Бога, которую приобрѣлъ Онъ себѣ кровію своею“ (Дѣян. XX, 28).

Отъ рукоположеннаго мірянина—до рукоположеннаго епископа поднимается, какъ сказали мы въ началѣ главы, лѣстница степеней. Минуя, согласно высказанному тогда предположенію, всѣ промежуточныя степени, мы остановимся только на степеняхъ пресвитера и епископа, чтобы уяснить въ чемъ заключается тожество даровъ и служенія и въ чемъ состоитъ отличіе. Мы уже осуществили отчасти предстоящую задачу на основаніи данныхъ, представляемыхъ канонами. Теперь воспользуемся для тѣхъ же цѣлей данными, заключающимися въ чинопослѣдованіяхъ рукоположенія. Начнемъ съ третьяго вѣка, т. е. съ недавно найденныхъ канонѣвъ Ипполита. Въ 61 канонѣ говорится, что при постановленіи пресвитера совершается все то, что и при постановленіи епископа за исключеніемъ посаженія рукоположеннаго на кафедру. Если брать это свидѣтельство, какъ оно есть, необходимо будетъ вывести заключеніе, что при постановленіи епископа производились все тѣ же дѣйствія (кромѣ посаженія на кафедру) и произносились тѣ же самыя молитвы, что и при рукоположеніи пресвитера, а отсюда слѣдовало бы, что на епископа молитвенно призывалась бы благодать на то же служеніе, на какое призывается она при рукоположеніи пресвитера. Полная тожественность произносимыхъ молитвъ представляется, впрочемъ, весьма сомнительною ввиду того, что въ чинопослѣдованіи 8-й книги Апостольскихъ Постановленій, представляющемъ памятникъ приблизительно современный канонамъ, при рукоположеніи епископа произносится одна молитва, а при рукоположеніи пресвитера—другая. Надо полагать, что устанавливая тожественность въ постановленіи епископовъ и пресвитеровъ, канонъ имѣетъ въ виду только тожественность дѣйствій и однородность молитвъ. Первое утвержденіе имѣетъ весьма большое значеніе, ибо Апостольскія Постановленія, приводя

совокупность всѣхъ дѣйствій, производимыхъ при рукоположеніи епископа, по отношенію къ постановленіямъ въ другія степени приводятъ только текстъ молитвъ сопровождающихъ рукоположенія, не упоминая уже о дѣйствіяхъ, предшествующихъ рукоположенію. Дѣйствія же эти суть: избраніе народомъ, наименованіе, одобреніе, запросъ рукополагающаго объ избраніи, вызовъ одобряющаго свидѣтельства со стороны народа, второй и третій призывъ къ свидѣтельству, приглашеніе дать знакъ согласія на рукоположеніе. Какъ видно изъ канона Ипполита, тѣ же дѣйствія совершались и передъ рукоположеніемъ пресвитера. О посаженіи епископа на кафедру Апостольскія Постановленія говорятъ: А на утро прочіе епископы пусть помѣщаютъ его на *принадлежащій ему престолъ* и всѣ привѣтствуютъ его цѣлованіемъ о Господѣ“ (Ап. Пост. VIII, 5). Эта интронизація могла имѣть мѣсто и смыслъ только тогда, когда епископъ рукополагался въ томъ городѣ, гдѣ онъ избранъ, гдѣ онъ будетъ епископствовать и гдѣ въ храмѣ имѣется кафедра (*epocos*) его предшественниковъ. Церковное значеніе этой интронизаціи (*eporoniçios*) находилось въ зависимости отъ Церкви, въ которой оно совершалось. Такъ въ Александріи рукоположенный епископъ сажался на кафедру евангелиста Марка, въ Римѣ—Петра, въ Иерусалимѣ—Іакова, о чемъ и упоминалось, какъ о признакѣ апостольскаго пріемства. Въ Константинополѣ и другихъ Церквахъ оно не имѣло уже такого значенія. Изъ скудныхъ свѣдѣній объ интронизаціи отдѣльныхъ епископовъ мы можемъ заключить, что ей не придавалось никакого тайнодѣйственнаго значенія и что та обозначала только объявленіе рукоположеннаго епископомъ, при чемъ производилась иногда и народомъ. Такъ Григорій Богословъ, рукоположенный еще въ Сазимахъ, посаженъ былъ на Константинопольскую кафедру противъ воли своей народомъ, учинившимъ, по его словамъ „святое насиліе“. Само собою разумѣется, что пресвитеръ, рукополагаемый въ Церкви города, не имѣетъ въ немъ *принадлежащей ему кафедры*, а потому не могъ быть на нее и сажаемъ. Надо полагать, интронизація возникла въ апостольскихъ церквахъ, гдѣ хранились еще апостольскія кафедры, а потомъ сдѣлались и общимъ обычаемъ церквей.

Канонъ Ипполита свидѣтельствуемъ намъ, что всѣ предшествующія рукоположенію дѣйствія совершались вполне

одинаково, какъ по отношенію къ епископу, такъ по отношенію и ко пресвитеру. Этимъ восполняется пропущенное Апостольскими Постановленіями по отношенію къ пресвитеру и другимъ чинамъ. Сравненіе же самыхъ молитвъ при рукоположеніи епископа и пресвитера указываетъ при первомъ чтеніи на двѣ особенности епископскаго служенія, о которыхъ не упоминается въ молитвѣ при рукоположеніи пресвитера. „Дажь ему, владыко, вседержителю... яко да имать власть оставляти грѣхи по заповѣди Твоей, давать клиры по повелѣнію Твоему“. Послѣднее, т. е. даваніе клировъ черезъ рукоположеніе, составляетъ безспорно прерогативу епископской власти, а потому не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію. Первое, т. е. власть оставлять грѣхи, наводитъ на мысль, не заключается ли указаніе на ту же власть въ словахъ молитвы надъ пресвитеромъ: яко да исполненъ бывъ дѣйствъ цѣлительныхъ и слова поучительнаго въ кротости накажетъ люди Твоя и поработаетъ Тебѣ искренно“. Что обозначаютъ эти „дѣйствія цѣлительныя“ въ непосредственной связи съ дѣятельностью поученія, если не наложеніе церковныхъ наказаній и отпущеніе кающихся, оплакавшихъ грѣхи свои? Сами Апостольскія Постановленія во 2-й книгѣ многократно называютъ дѣйствія эти дѣйствіями врача, при примѣненіи которыхъ ими же внушается кротость. Правда во второй книгѣ вся эта врачебная цѣлительная дѣятельность сосредоточивается въ епископѣ, но потому только, что вся книга говоритъ о служеніи и обязанностяхъ епископовъ, и потому и объ евхаристіи и о крещеніи говоритъ тоже, какъ о совершаемыхъ епископомъ. Вопросъ сводится только къ тому: совершали ли пресвитеры въ эпоху Апостольскихъ Постановленій наложеніе церковныхъ наказаній и отпущеніе грѣховъ? Каноны Апостоловъ даютъ намъ на это непреложный отвѣтъ. „Аще кію епископъ или *пресвитеръ* обращающагося отъ грѣховъ не приѣмлетъ, но отвергаетъ, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Опечаливаетъ бо Христа рекшаго: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся“ (Срав. 52). И такъ, о власти отпускать грѣхи либо только случайно не упомянуто въ молитвѣ при рукоположеніи пресвитера, какъ и упоминаемое въ этой молитвѣ не цѣликомъ упомянуто въ молитвѣ при рукоположеніи епископа, либо присущая пресвитеру власть отпускать грѣхи под-

разумѣвается подъ исполненіемъ „цѣлительныхъ дѣйствъ“. Иначе нельзя было бы карать пресвитера наравнѣ съ епископомъ за неисполненіе того, на что не имѣетъ онъ власти и что не вмѣнено ему при рукоположеніи. Такимъ образомъ, различеніе положено только въ даваніи клириковъ, т. е. въ возведеніи въ степень черезъ рукоположеніе. О совершеніи евхаристіи при рукоположеніи епископа говорится съ нѣкоторою подробностью и даже дважды. „И приноси Ты дары святыхъ Твоея Церкви“. А затѣмъ: „непревратно, непорочно, незасорно приносяще Тебѣ чистую и безкровную жертву, юже Христосъ чиноположилъ еси, таинство Новаго Завѣта“. Въ молитвѣ при рукоположеніи пресвитера сказано вообще: „и яже о людяхъ непорочныхъ священнодѣйства совершить“, что можетъ обнимать и совершеніе всѣхъ таинствъ вообще, въ томъ числѣ и крещеніе, о которомъ, какъ и о другихъ таинствахъ, въ молитвѣ при рукоположеніи епископа вовсе не упоминается. Епископу испрашивается благодать: пасти Святое Твое стадо. О той же обязанности пресвитера говорится даже съ большею подробностью: исполни его Духа благодати и совѣта еже заступити и правити народъ Твой (*τον λαον σου*) въ сердцѣ чистѣ, имъ же образомъ призвѣлъ еси на народъ Твой избранный и повелѣлъ еси Моисею избрати старѣйшинъ, ихъ же исполнилъ еси Духа“. Такимъ образомъ пастырская обязанность пресвитера по отношенію къ народу отмѣчена даже больше, чѣмъ таковая же обязанность епископа, а потому нельзя утверждать, что епископу вѣрѣнъ народъ, а пресвитеру нѣтъ.

По ехологіи Серапіона Тмуитскаго пресвитеру испрашивается нисшествіе на него „Духа истины“ для дарованія ему разума, вѣдѣнія и добраго сердца, „да почіетъ въ немъ божественный Духъ, чтобы онъ могъ управлять народомъ Твоимъ (*οικονομησαι τον λαον σου*), блюсти божественныя Твои слова и премирить народъ Твой Тебѣ нарощенному Богу. Объ епископѣ совершается молитва: „содѣлай его достойнымъ пасти Твое стадо, еще же неосужденно въ епископствѣ да пребудетъ“. Итакъ епископъ призывается пасти стадо Божіе, а пресвитеръ „правитъ народъ Божій, управлять имъ (*οικονομησαι τον λαον σου*). Пресвитеру испрашивается дарованіе премудрости, разума и правой вѣры, что бы онъ могъ служить Богу съ чистою совѣстію“; епископу

испрашивается только не преткновенное пребываніе въ епископствѣ. Въ чемъ же различіе? Опять въ томъ же, на что мы уже указали, т. е. въ раздаяніи клириковъ. Бога „избравшаго апостоловъ и рукополагающаго изъ рода въ родъ святыхъ епископовъ“ молятъ содѣлать нареченнаго епископа „епископомъ святымъ преемства святыхъ апостоловъ“. Въ чемъ же это преемство? И пресвитеръ преемлетъ благодать черезъ рукополагающаго его епископа преемственно отъ святыхъ апостоловъ; но онъ не можетъ передавать ее далѣе, состоитъ только конечнымъ, а не посредствующимъ звеномъ въ восходящей къ апостоламъ и простирающейся въ грядущее цѣпи преемства. Разница между епископомъ и пресвитеромъ состоитъ слѣдовательно только въ томъ, что одинъ даетъ клиры, а другой не даетъ ихъ, одинъ при молитвахъ всей Церкви рукополагаетъ въ священныя степени, а другой, будучи рукоположенъ, самъ не рукополагаетъ въ нихъ.

Въ позднѣйшей, употребляемой до нынѣ молитвѣ при рукоположеніи пресвитера, испрашивается сему послѣднему достойное 1) предстоаніе жертвеннику 2) проповѣданіе евангелія Царства, 3) священнодѣйствованія слова истины, 4) возрожденіе народа черезъ крещеніе, что все имѣетъ отношеніе и къ епископу. Епископу испрашивается власть „во еже вознести жертву и приношеніе о всѣхъ людехъ Твоихъ“, „во еже служить и литургисати честнымъ и пречистымъ Твоимъ Тайнамъ“, „приносити яже ко спасенію народа“, что все предстоитъ совершать и пресвитеру. И при этомъ тожествѣ испрашиваемыхъ даровъ рукоположеніе совершается въ различныя степени. Почему? По тому, что въ самомъ наименованіи епископа подразумѣвается власть давать клиры, которой не имѣетъ пресвитеръ.

Въ этомъ и все различіе, но оно влечетъ за собою и другія. И епископъ и пресвитеръ имѣютъ каждый свой приходъ, свою парикію, какъ говорятъ и каноны. Но парикія пресвитера довлѣетъ только самой себѣ, ибо при жизни пресвитера новыхъ рукоположеній не требуетъ. Приходъ епископа, какъ дающаго клиры, обнимаетъ собою и приходъ рукоположенныхъ имъ пресвитеровъ, откуда возникаетъ цѣпь подчиненія и соподчиненія, давнія законы которыхъ изложили мы въ одной изъ предшествующихъ главъ,—законы напра-

вляющіе всю жизнедѣятельность церковную къ тому, „да будетъ единомысліе и да прославится Богъ и Господь во Святомъ Духѣ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ“ (Апост. Прав. 34).

XIII.

Рукоположеніе въ оглашеніи... Степень и званіе оглашеннаго...

Внушеніе рукополагаемому въ оглашенныя стремленія достигнуть *высшей степени*—вѣрнаго, члена Церкви или народа, ея составляющаго, т. е. лапка, мірянина, насколько слово міръ выражаетъ понятіе о народѣ... Многихъ поражаютъ эти наименованія. Многимъ употребляемая нами терминологія представится совершенно новизною, будетъ звучать дико, странно и какъ будто бы не церковно. Но кто же виновать въ томъ, что преданія Церкви заслонены преданіемъ чловѣческимъ? Кто виновать въ томъ, что понятія о Церкви и ея устроеніи черпаются и воспринимаются не изъ богослужебнаго ея исповѣданія, доселѣ вѣрнаго основному преданію и легко провѣряемаго и освѣщаемаго историческими свидѣтельствами, не изъ первоначальныхъ памятниковъ и документовъ церковнаго самосознанія и самоопредѣленія, не изъ выраженія ихъ древнѣйшими отцами, проповѣдниками и учителями, насколько составляютъ они согласный хоръ, а изъ позднѣйшихъ теорій, въ лучшихъ случаяхъ пытавшихся только создать и сочинить первоначальный церковный идеаль, при крайне ограниченномъ запасѣ историческихъ свѣдѣній и при полномъ неумѣніи въ нихъ разобраться? Кто виновать въ томъ, что ученіе, исповѣданіе Церкви сочинялось неоднократно не только у насъ, но и въ самой еще Византіи на основахъ и подъ вліяніемъ отклонившагося отъ нея западнаго міровозрѣнія—римско-католическаго и протестантскаго? Виноваты въ этомъ, конечно, не церковь и не тѣ, которые стремятся проникнуть въ глубь историческаго ея исповѣданія, возстановить собственный чолнъ ея, а виновата школа, нерѣдко пытавшаяся говорить отъ имени Церкви, виновата рутина, пытавшаяся замѣнять собою церковную жизнь и провозглашать себя ею.

Наименьшее еще, пожалуй, недоумѣніе и протестъ вызоветъ указаніе на *чинъ* и *степень* оглашеннаго. Оглашенные стоятъ еще въ собственномъ смыслѣ внѣ Церкви, а потому

на состояніе оглашеннымъ легко можно смотрѣть, какъ на подготовительную *степень* къ вступленію въ Церковь. Оглашенные съ точки зрѣнія Церкви, стоятъ уже выше невѣрующихъ—язычниковъ и іудеевъ, а потому, почему же не смотрѣть бы на нихъ, какъ на чинъ, хотя еще не церковный. Къ тому же оглашенные сами по себѣ, по мѣрѣ воспріятія оглашенія, подраздѣлялись на степени слушающихъ, просвѣщаемыхъ и т. п. Но можно ли говорить о степени или чинѣ лаика, мірянина? Между тѣмъ для древней Церкви это не составляло даже и вопроса. По свидѣтельству бл. Иеронима, въ Церкви существовало пять чиновъ или пять степеней: епископы, пресвитеры, діаконъ, вѣрные (они же міряне или лаики) и оглашенные (*quinque ordines, episcopus, presbyteros, diaconos, fideles, catechumenos. In Iesaiam XIX 64*). Евсевій различаетъ не пять, а три чина (*τοῦματα*), объединяя епископовъ, пресвитеровъ и діаконъ въ одинъ чинъ. „Три, говоритъ онъ, въ каждой церкви чина (*τρια καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν τοῦματα*): предстоятели, вѣрные, оглашенные“. (*Demonsthebonis Evangelicāi VII, 2*). Климентъ Римскій утверждаетъ, что всякій въ Церкви имѣетъ уже свой чинъ (*τοῦμα*) и долженъ благодарить Бога въ своемъ чинѣ (*ἐκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τῶματι εὐχαριστεῖτω Θεῷ*), что полагаетъ уже различіе чиновъ, какъ и различіе служеній и царовъ подаваемыхъ однимъ и тѣмъ же Духомъ. „Первосвященнику дано свое служеніе, пресвитерамъ назначено свое мѣсто, и на левитовъ (такъ часто называли въ то время діаконъ) возложены свои обязанности; мірянинъ (*λαῖκος*) связанъ постановленіями для народа (*τοῦ λαοῦ*). Каждый изъ васъ, братія, благодаритъ Бога въ своемъ чинѣ, храня добрую совѣсть и съ благоговѣніемъ не преступая канонъ своего служенія (*καίρων τῆς διακονίας αὐτοῦ Clemens Rom. ad Corin 1 cap. 40. 41*). Такимъ образомъ Климентъ Римскій различаетъ четыре каноническихъ чина (*τοῦματα*) церковныхъ: епископа, пресвитера, діакона, мірянина. Присовокупимъ, что онъ почитаетъ чины эти не только каноническими, ибо предполагаетъ соотвѣтствующій каждому канонъ служенія (*καίρων τῆς διακονίας*), но и священными, богослужебными чинами, ибо всему приведенному выше предпосылаетъ онъ слѣдующія слова; коимъ приведенное является только дополненіемъ“. „Проникая въ глубины вѣдѣнія божественнаго, мы должны

въ порядкѣ совершать все, что Господь повелѣлъ совершать въ опредѣленныя времена. Онъ повелѣлъ, чтобы жертвы и священные дѣйствія совершались не случайно и не безъ порядка, но въ опредѣленные времена и часы. Также гдѣ и черезъ кого должно быть это совершаемо, Самъ Онъ опередѣлилъ высочайшимъ Своимъ изволеніемъ, чтобы все совершалось свято и благоугодно и было пріятно волѣ Его. Итакъ, пріятны Ему и блаженны тѣ, которые въ установленныя времена приносятъ жертвы свои (гл. 40) Никейскій соборъ противопоставляетъ клиру чинъ мірянъ (*λαϊκῶν τοῦτα*), конечно, не отрицая и различія чиновъ въ самомъ клирѣ (Прав. 5). Все вышеприведенное доказываетъ, что, если говоря о чинѣ мірянъ и о степени мірянъ, мы и отступаемъ, какъ отъ преданія школы, такъ и отъ терминологіи школы, но зато остаемся вѣрными, какъ преданію, такъ и терминологіи Церкви, что и представляется для насъ не только желательнымъ, но и обязательнымъ.

Оставляя въ сторонѣ оглашенныхъ, какъ еще не вполне входящихъ въ составъ Церкви, мы встрѣчаемъ въ древности два вида дѣленія ея на чины (*τοῦτα*): четырехчленное, на епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ и вѣрныхъ (Геронимъ) или епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ и мірянъ или лаиковъ (Климентъ Римскій) и двухчленное, на предстоятелей (*προεστώτες*) и вѣрныхъ (Евсевій) или клиръ и мірянъ (*το λαϊκῶν τοῦτα*. Никейскій соборъ). Существеннаго различія дѣленія эти не представляютъ. Епископы и пресвитеры, конечно, подразумѣвались Евсевіемъ въ чинѣ предстоящихъ; только включеніе въ составъ этотъ діаконовъ можетъ еще возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, устраняемое впрочемъ тѣмъ, что, и діаконы предстояли благотворенно, а въ извѣстной степени предстояли и въ богослужебныхъ собраніяхъ Церкви, какъ наблюдавшіе порядокъ, указывавшіе мѣста и т. п. Понятіе о клирѣ вводимое въ дѣленіе Никейскимъ соборомъ на первый взглядъ безспорно шире по объему, чѣмъ понятіе о клирѣ указываемое Евсевіемъ. Но это доказывало бы только, что полное отграниченіе клира отъ народа совершалось въ Церкви медленно, постепенно, а отнюдь не сразу, такъ что до поры до времени трудно было даже опредѣлить, гдѣ кончался клиръ и гдѣ начинался народъ, какъ и обратно. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма Корнилія Римскаго

о низложеніи Новата и рукоположившихъ его епископовъ, въ коемъ изображается намъ составъ римской церкви того времени. „Одинъ изъ этихъ епископовъ... съ сокрушеніемъ сердца и исповѣданіемъ возвратился въ церковь,—и мы по ходатайству всего присутствовавшего народа, вступили въ общеніе съ нимъ, какъ съ *лаикомъ* (т. е. уже не какъ съ епископомъ), а прочимъ епископамъ рукоположили преемниковъ... Тотъ защитникъ евангелія (Новатъ) видно не зналъ, что въ Церкви каволической надлежитъ быть одному епископу (т. е. Корнилію), но онъ зналъ (да и какъ не знать), что въ ней находится 46 пресвитеровъ, семь діаконовъ, семь иподіаконовъ, сорокъ два прислужника, пятьдесятъ два челоувѣка заклинателей, чтецовъ и привратниковъ (*ostiarum*) и болѣе тысячи пятисотъ вдовицъ и немощныхъ, которыхъ всѣхъ питаетъ благодать и челоувѣколюбіе Господа. Но ни это множество столь необходимыхъ въ Церкви служебныхъ лицъ, ни многочисленный классъ людей по милости Божіей богатыхъ, вмѣстѣ съ *многомоуцнымъ и безчисленчымъ народомъ*, не могло удержать его отъ сего отчаяннаго и безумнаго предпріятія и возвратить въ Церковь“. Продолжая разсказъ, Корниліій сообщаетъ, что рукоположеніе Новата пресвитеромъ совершено было въ свое время по просьбѣ епископа позволить ему совершить его „вопреки желанію не только всего клира, но и многихъ мірянъ“ (Евсевій Ц. Ист. VI, 43 Русск. пер. 356—358). Такимъ образомъ Корниліій отличаетъ въ римской церкви клиръ и народъ, но, если проводитъ определенную грань между ними, то причисляя къ первому не только прислужниковъ и привратниковъ (*ostiarum*), но и полторы тысячи вдовъ и немощныхъ, содержащихся на ея средства, наравнѣ съ *великимъ множествомъ столь необходимыхъ въ Церкви служебныхъ лицъ*“. Нѣкоторое причисленіе вдовицъ къ церковному клиру въ теченіи первыхъ вѣковъ упоминается не однимъ только Корниліемъ Римскимъ. Тертуллианъ прямо говоритъ объ *ordo viduarum* (Ad uxorem I, 7 ср. Recognit. Clem. VI, 15. Номіі XI, 6). Вдовицы, по свидѣтельству Апостольскихъ Постановленій, поставляются, хотя, получая вспомоуствованныя отъ Церкви, не несутъ Церковнаго служенія, обяуаясь только сохранять вдовство, и принимаются въ „сонмъ вдовицъ“ либо, будучи уже шестидесятилѣтними, либо по засвидѣтельствоуваніи жизнью, что они обладаютъ

„даромъ вдовства“ (Ш, 1). Впрочемъ поставленіе это равно-
 лично только приему въ сонмъ, а отнюдь не—рукоположеніе.
 „Вдовица не рукополагается, но если она издавна потеряла
 мужа и жила цѣломудренно и безукоризненно и отлично
 занималась домашнимъ,... то да примется въ сонмъ вдовиць.
 (Ап. Пост. VIII, 25). Но и о бѣдныхъ помни, епископъ, про-
 стирая къ нимъ руку помощи и заботясь о нихъ, какъ до-
 мостроитель Божій, благовременно раздающій приношенія
 каждому: вдовицамъ, сиротамъ и находящимся въ бѣдствіи“
 (Ап. Пост. II, 3). Определенное число такихъ постоянныхъ
 немощныхъ, получающихъ отъ раздачи приношеній „и вхо-
 дитъ очевидно въ составъ тѣхъ полутора тысячъ, о кото-
 рыхъ говоритъ Корнилій. Ибо тѣ, кои даютъ подаенія, не
 безъ разбора даютъ вдовицамъ, но вносятъ въ общую кружку,
 именуя ихъ добровольными, чтобы ты, знающій бѣдствующ-
 ихъ, удѣлялъ имъ, какъ добрый домостроитель (Ап. Постан.
 III, 4). Такимъ образомъ и „немощные“, о которыхъ говоритъ
 Корнилій, выдѣляются изъ общаго состава народа только,
 какъ подлежащіе непосредственному домостроительству епи-
 скопа, знаемые имъ и получающіе отъ него раздаеніе изъ
 приношеній церковныхъ. Выдѣляются изъ народа и заклин-
 атели, хотя они не назначаются и не рукополагаются, а
 несутъ только добровольное служеніе въ силу дара прису-
 щаго имъ. „Заклинатель не рукополагается, ибо славный под-
 вигъ заклинанія есть дѣло добровольнаго благорасположенія
 и благодати Божіей черезъ Христа наитіемъ Святаго Духа,
 потому что получившій дарованіе исцѣленій показуется
 черезъ откровеніе отъ Бога, и благодать, которая въ немъ,
 явна бываетъ всѣмъ“ (Ап. Пост. VIII, 26). Изъ общаго со-
 става народа выдѣляетъ Корнилій еще прислужниковъ и
 превратниковъ или остіаріевъ. Само собою разумѣется, что
 это были люди назначенные Церковью или епископомъ, а,
 вѣроятно, и пользующіеся содержаніемъ отъ нея въ видѣ
 участія въ раздаваемыхъ приношеніяхъ. Но назначеніе по-
 лучали они не черезъ какое бы то ни было посвященіе. Въ
 Постановленіяхъ Апостольскихъ о какомъ либо принятіи
 остіаріевъ или рукоположеніи ихъ вовсе не говорится, хотя
 о служеніи ихъ и упоминается. У Морина (De ordinatione)
 есть нѣсколько чиновъ сравнительно поздняго посвященія
 остіаріевъ, сводящихся только къ тому, что остіаріямъ вру-

чается ключъ церковный и внушается совершать стражу“, аки Богу назирающу“, въ виду необходимости дать отчетъ передъ Богомъ. Такимъ образомъ, если мы будемъ почитать всю, выдѣляемую Корнилиемъ изъ общаго состава народа часть Церкви клиромъ ея, мы необходимо должны будемъ признать, что въ основу дѣленія положены только содержаніе за счетъ Церкви и являющееся единственнымъ поводомъ и основаніемъ для включенія въ клиръ вдовицъ и немощныхъ, равно какъ и специальное служеніе Церкви, не соединенное для привратниковъ и прислужниковъ съ посвященіемъ или рукоположеніемъ, а для заклинателей, какъ носителей вольнаго дара, даже и съ назначеніемъ.

Становящіеся клиромъ выдѣлялись ли изъ совокупности народа, переставали ли быть составною частью его и составляли ли они нѣчто вполне отдѣльное отъ него?

Увлеченные Новатомъ, какъ и рукоположившіе его епископы „предстали, по словамъ Корнилія, „предъ лицо нѣсколькихъ епископовъ, пресвитеровъ и многочисленныхъ мірянъ“. Въ томъ же письмѣ, цѣликомъ сохраненомъ въ твореніяхъ Кипріана, онъ говоритъ, что принесшему покаяніе пресвитеру Максиму онъ велѣлъ занять мѣсто между пресвитерами, что намекаетъ на присутствіе всего пресвитеріума т. е. всѣхъ 46 пресвитеровъ Рима. По общему порядку соборовъ несомнѣнно и 7 діаконовъ и 7 иподіаконовъ находились также на лицо. Присутствовала и какая либо часть чтецовъ, привратниковъ и заклинателей, если не всѣ они поголовно. Не было причинъ отсутствовать всѣмъ уже поголовно полуторатысячамъ вдовицъ и немощныхъ. „Или, говоритъ Корнилій по поводу принесшаго покаянія епископа, бывшаго въ числѣ рукополагавшихъ Новата, по ходатайству всего присутствующаго народа, вступили въ общенія съ нимъ, какъ съ міряниномъ“. Что обозначаетъ это? Предположилъ даже, что пресвитеры подразумѣваются подъ *мы*, какъ и сосидѣвшіе Корнилію епископы. Но развѣ діаконы, иподіаконы, чтецы, заклинатели, привратники, прислужники, вдовицы и немощные, по подчиненному своему положенію лишены были общихъ правъ народа, а потому не могли участвовать въ ходатайствѣ и не участвовали въ немъ? Апостольскія Постановленія говорятъ, что „оплакавшаго грѣхъ свой“ епископъ принимаетъ по просьбѣ за него всей Церкви,

а не одного только народа. По тѣмъ же Апостольскимъ Постановленіямъ епископъ велить увести провинившагося діаконамъ, чтобы они воротившись отъ дверей, за него просили и онъ могъ бы снисойти къ ихъ просьбѣ. И такъ, что нибудь одно: либо въ Римѣ существовалъ безгласный и неправоспособный по подчиненному положенію своему клиръ съ подающимъ свой голосъ и правоспособнымъ народомъ, либо Корнилій, говоря о ходатайствующемъ народѣ, подразумѣваетъ и клиръ входящимъ въ составъ его и какъ бы раствореннымъ въ немъ. Сообщая въ другомъ письмѣ о принятіи падшихъ, Корнилій говоритъ, что они были приняты рѣшеніемъ громаднаго большинства народа. Что же? Развѣ онъ хочетъ сказать, что присутствовавшіе діаконы, иподіаконы, чтецы, заклинатели, привратники, прислужники и т. п. участія въ этомъ не принимали, какъ отдѣленные и отъ народа и отъ епископа съ пресвитерами и являющіеся безправнымъ и безгласнымъ элементомъ Церкви? Разумѣется, нѣтъ. Все это доказываетъ только то, что нѣкоторые міряне получали церковное служеніе, входили въ составъ клира, становились клириками, не выходя еще черезъ то изъ состава народа.

Рѣзкая грань между народомъ и клиромъ, строгое отграниченіе и обособленіе этого послѣдняго, образованіе изъ него самостоятельнаго цѣлаго и самостоятельной корпораціи совершилось только въ IV столѣтїи, но не столько по почину Церкви, сколько по почину государства, хотя и произвело переворотъ въ церковномъ строѣ. Сдѣлавшись христіанскимъ въ лицѣ Константина и его преемниковъ, государство не преминуло во первыхъ взглянуть на всѣхъ безъ исключенія служителей Церкви, какъ на отчасти, хотя и не непосредственно, подвѣдомственныхъ ему, а затѣмъ и распространить на него обширныя льготы въ видѣ освобожденія отъ государственныхъ и военныхъ повинностей и податей. Но поступаая такъ, оно не хотѣло да и не могло слишкомъ широко жертвовать существенными своими интересами, преимущественно фискальными. Оно не могло допускать совершенно свободнаго роста и увеличенія числа клириковъ. Для отдѣльныхъ Церквей, говоря современнымъ языкомъ, даны были опредѣленные штаты клириковъ, которыхъ церковная жизнь не могла уже переступить. Новыхъ клириковъ

разрѣшено было ставить только на мѣсто умершихъ. Вакансіи клириковъ могли, такимъ образомъ открываться только смертью, такъ какъ Церковь смотрѣла на принимаемое служеніе ей не иначе, какъ на пожизненное, а потому истинно расположенные къ служенію Церкви должны были ожидать смерти котораго либо изъ клириковъ, чтобы занять соотвѣтствующее служеніе. Если бы въ той или другой Церкви въ виду новыхъ потребностей создавалась новая отрасль служенія, Церковь не могла уже поручить ее мірянину, какъ новому члену своего служебнаго персонала, но должна была поручать его одному изъ клириковъ, т. е. возлагать новое служеніе на пресвитера, діакона, чтеца и т. п. Кліръ оказался такимъ образомъ замкнутою въ себѣ корпораціей, включающей въ себя новые элементы только вслѣдствіе вымиранія и по мѣрѣ его. Поясимъ это нѣкоторымъ примѣромъ. Во время Халкидонскаго собора опознана была необходимость каждой церкви, имѣющей своего епископа, имѣть и своего эконома, дабы хозяйство (*οικονομία*) не „безсвидѣтельно было“, церковное имущество не расточалось и нареканіе не падало бы на священство (*ιεροσύνη*). Казалось бы совершенно необходимымъ выйдти для этого изъ опредѣленныхъ рамокъ клира, избрать для церковнаго хозяйства соотвѣтствующихъ мірянъ, которые, будучи носителями церковнаго служенія, становились бы черезъ то и членами клира, какъ ранѣе ихъ стали клириками заклинатели, остіаріи и т. п. Но это нельзя уже было осуществить. Кліръ уже самому себѣ, долженъ былъ вращаться въ своемъ кругу. Экономы существовали въ нѣкоторыхъ церквяхъ и ранѣе и даже должны были существовать; но должность эконома не включена была въ списки клириковъ, признаваемая государствомъ, не стояла въ штатѣ соединенныхъ съ государственными льготами должностей. Включить эконома въ кліръ черезъ увеличеніе числа клириковъ уже было нельзя. И вотъ Халкидонскій соборъ необходимо дѣлаетъ соотвѣтствующую оговорку въ своемъ постановленіи. Онъ требуетъ, чтобы экономъ избирался или назначался не въ кліръ самой Церкви, а изъ *собственнаго клира* каждой Церкви т. е. изъ готоваго, опредѣленнаго уже его состава. Это не прештествовало, конечно, избрать или назначить экономомъ чтеца, пѣвца, заклинателя, служителя больницы

(*παροβολατος*) или привратника, ибо и они такіе же клирики, какъ и всѣ остальные, но это препятствовало Церкви обогатить клиръ свой новымъ вполне подходящимъ членомъ, побуждая ее только къ зловредному совмѣщенію должностей. Конечно, экономами назначались не привратники, не пѣвцы или чтецы, а почти исключительно священники или иногда діаконъ, которые охотно оставляли для того свое служеніе, продолжая номинально состоять въ немъ и числиться. Но что же, кромѣ вреда произошло и могло происходить отъ этого для Церкви. Институтъ экономовъ не выработался въ то, чѣмъ ему надлежало быть, церковное имущество по прежнему расточалось или утрачивало первоначально свое назначеніе, церковное хозяйство продолжало быть „безсвидѣтельнымъ“ (*ισεροβυτη*), чего именно и желалъ избѣгнуть соборъ. Тоже надо сказать объ институтѣ экдиковъ—церковныхъ ходатаевъ, за угнетенныхъ, притѣсняемыхъ, вдовъ и сиротъ передъ государствомъ и своего рода юрисконсультовъ Церкви. По тѣмъ же указаніямъ выше причинамъ они не восполняли собою клира, внося въ него новую струю своего служенія, и обязательно были только выдѣляемы изъ него, назначались исключительно изъ пресвитеровъ и діаконъ, служеніе которыхъ продолжали нести, хотя бы и номинально, немудрено, что институтъ экдиковъ оставилъ совершенно ничтожный слѣдъ въ церковной исторіи и наконецъ выродился вполне. Такъ на него возложена была въ Константинополѣ обязанность защищать эконома въ случаѣ возводимого на него обвиненія въ растратахъ. Еще указомъ Θεодосія (398 г.) епископамъ разрѣшалось въ случаѣ необходимости увеличенія числа клириковъ, набирать ихъ изъ монаховъ, а никоимъ образомъ не изъ мірянъ. Что же произошло изъ этого? Нѣкоторые епископы охотно набирали себѣ цѣлыя штаты монаховъ, даже цѣлыя дружины монаховъ. Новые клирики, куда бы ни направлялись они, являлись только личными служителями епископа, свитой его, которой иногда распредѣлялъ онъ и дѣйствительныя служенія. Диоскоръ съ ратью монаховъ врвался на соборы, учинялъ безчинія... Халкидонскій соборъ воспретилъ монахамъ оставленіе монастырей для служенія Церкви, но правило это въ полной строгости не соблюдалось никогда, какъ не соблюдается и понынѣ. Всегда были въ составѣ церков-

наго клира монахи, даже и не вѣдавшіе монастыря, какъ и монахи отторгшіеся отъ него или отъ него отторгнутые. Этимъ только усиливалось и укрѣплялось отторженіе и отрѣшеніе клира отъ народа и Церкви, хотя Церковь была вынуждена къ этому опасному для нея нововведенію, постепенно вошедшему и въ обычай.

Синонимомъ клирика является въ соборныхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ *οἱ ἐν τῷ κλον ἐξῆταζομενοι* т. е. выстроенные, выведенные въ нормѣ или канонѣ, состоящіе въ штатѣ (Ник. 16); *οἱ ἐν τῷ κληρω κατελεγμενοι* исчисляемые или перечисляемые въ клирѣ (Халкид. 2); *οἱ ἐν τῷ καταλογω*—состоящіе въ спискѣ; *οἱ ἐν τῷ τοῦματι ἐκκλησιαστικῷ*—состоящіе въ церковномъ строѣ или чинѣ. Къ клиру по канонамъ принадлежатъ епископы, хорепископы, пресвитеры, діаконы (Ник. 8. Халкид. 2), далѣе чтецы, пѣвцы, заклинатели, привратники (*θυροδοχοι, ostiarii, οστιαριοι*) (Лаодик. 24), парамонарій—церковные сторожа (Халкид. 2). Почти тѣ же виды церковнаго служенія исчисляются въ Постановленіяхъ Апостольскихъ. Какъ говорили уже мы, императорскіе указы стремились къ сокращенію числа клириковъ и числа церковныхъ должностей. Тѣмъ не менѣе они упоминаютъ и санкціонируютъ всѣ должности ранѣ существовавшія и потому упоминаемыя и въ соборныхъ опредѣленіяхъ, съ прибавкою даже одной, въ правилахъ не упоминаемой. *Presbyteri, diaconi, subdiaconi atque exorcistae et lectores, ostiarii etiam etc.* Codex Theodos XVI (l. t. 24 anno 377). Къ числу клириковъ присоединяются еще и параволаны въ Александріи—могильщики. *Parabalani, qui ad curando aegra corpora depatantur... Clerici vero vel hi, quos copietas recensurus instiluit* Пипсиран (Указы 360, 416 и 418 г.г.). Число ихъ съ 500 (416 г.) съ теченіемъ времени увеличено было до 600 (418 г.).

Такимъ образомъ по инициативѣ государства, предоставлявшаго клирикамъ гражданскія льготы, которыхъ не предоставляло оно мірянамъ и предъявлявшаго въ силу того къ клиру ограничительныя требованія, которыхъ не было надобности предъявлять къ народу, клиръ Церкви вполнѣ отдѣлился и обособился отъ церковнаго народа, сдѣлался самостоятельно или особою корпораціею, сословнымъ. Положенное начало обособленности и отрѣшенія продолжало быть дѣйственнымъ и тогда, когда вызвавшіе существованіе его

государственные законы о народѣ уже утратили свою обязательность. Высшіе и низшіе члены клира стремились возводить сыновей своихъ въ высшія должности клира или, когда оказалось возможнымъ просто на просто причислять ихъ къ клиру, чтобы съ одной стороны обеспечивать имъ предоставляемыя государствомъ гражданскія льготы, а съ другой облегчать имъ и возможность достиженія „высшихъ степеней“ церковной карьеры, если и не обеспечивать ее за ними. Наше схематическое обозрѣніе было бы по самому существу своему совершенно не полнымъ, если бы мы не упомянули о латинскомъ терминѣ *ordo*, какъ синонимѣ клира. Упомянутіе это прежде всего необходимо потому, что латинскій языкъ былъ весьма долгое время государственнымъ языкомъ Византіи, какъ римскаго государства, въ коемъ дѣйствовало и римское законодательство и соотвѣтствующая ему римская терминологія. Между тѣмъ понятіе объ *ordo* въ противоположность *plebs*, *ordinatio*, какъ возведение или причисленіе къ нему и *ordinati*, какъ обозначало принадлежащихъ къ нему т. е. клириковъ хотя и усвоены были Церковью еще въ языческую пору государства, но заимствуемы были изъ той же государственной терминологіи и изъ области того же государственнаго строя. *Ordo* въ муниципаліяхъ древняго Рима обнимаетъ собою весь чиновный, правительственный персоналъ города и въ противоположность всей совокупности жителей города, составляющихъ *plebs*. Такимъ образомъ, обычное дѣленіе мѣстныхъ церквей на *κληρος και λαος* или на *ordo* и *plebs* имѣетъ прототипомъ своимъ обычное же, но и узаконенное дѣленіе муниципальныхъ городовъ, въ коихъ они сосредоточились на тѣ же *ordo* и *plebs*.

Въ первые вѣка христіанской жизни фактической составъ клира отнюдь не совпадаетъ съ составомъ принятыхъ на служеніе Церкви черезъ какое бы то ни было посвященіе или рукоположеніе какъ увидимъ далѣе начинается только съ чтеца, а о какомъ бы то ни было посвященіи нѣтъ ни рѣчи ни указанія. Изъ состава народа по Постановленіямъ Апостольскимъ выдѣляются тѣ же самыя должности, которыя застаемъ мы потомъ зачисляемыми въ составъ клира, какъ со стороны Церкви въ соборныхъ опредѣленіяхъ, такъ и со стороны государства: епископы, пресвитеры, діаконы, діако-ниссы, иподіаконы, чтецы, пѣвцы, заклинатели и остіаріи

{VIII, 13). Между тѣмъ вдовицы, заклинатели, привратники ни рукоположенія, ни посвященія ихъ въ клиръ явно не принимаютъ, а потому принадлежность ихъ къ клиру опредѣляется не рукоположеніемъ или посвященіемъ. Объясненіе этой принадлежности клира особою подчиненностью епископу или особымъ прилежаніемъ епископу лишено всякаго основанія, хотя многіе и прибѣгали къ нему. Во первыхъ весь народъ, вся Церковь должна прилежать епископу, а во вторыхъ епископъ самъ есть клирикъ, самъ входитъ въ составъ клира. Постепенно вкрадывавшаяся въ Церковь „надменность власти мірской (*εξουσιας τουφως κοσμικης*), о которой свидѣтельствуетъ Ефесскій соборъ, побуждала выдѣлять епископа изъ состава клира, поставить его надъ клиромъ, а не въ клирѣ. Но это совершенно противорѣчитъ канонамъ и каноническому строю. „Ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону, ни вообще кому либо изъ стоящему въ клирѣ— *μητε ολωσ τιμι των εν κληρω* (Ник. 3)“. Гдѣ или въ селахъ или градахъ всѣ обрѣтающіеся въ клирѣ (при чемъ упоминаются и епископы) окажутся рукоположенными изъ нихъ однихъ, да будутъ въ томъ же чинѣ“ (Ник. 8). Если который епископъ за деньги рукоположеніе учинить... и за деньги поставитъ епископа или хореепископа, или пресвитера, или діакона или иного кого изъ состоящихъ въ клирѣ— *η ετέρα τινα των εν το κληρω* (Халкид. 2). Нѣкоторая неопредѣленность понятія о клирѣ явствуетъ уже изъ этого правила, ибо за приведенными выше словами слѣдуетъ „или произведетъ (*προβαλλοιτο*) за деньги въ эконома или экдика или парамонарія или вообще кого-либо состоящаго въ канонѣ (*του κανονου*), стоящаго въ канонѣ или канонической нормѣ. Можно предположить, что состоящіе въ канонѣ и производимые, а не рукополагаемые не состоятъ въ клирѣ. Но правило въ заключеніе говоритъ только о клирикахъ и міряняхъ, не упоминая о промежуточной степени *των του καγορου*, не принадлежащихъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, а потому явно причисляетъ ихъ къ клиру. Кромѣ того 16-ое правило того же собора прямо указываетъ на необходимость избирать или назначать эконома изъ собственнаго клира имѣющей епископа Церкви. Итакъ, клиръ обнимаетъ собою, по Халкидонскому правилу второму, всѣ должности отъ епископа до парамонарія или стражника церковнаго, но пола-

гается правиломъ и отличіе между ними. Основной составъ клира, какъ укажемъ мы далѣе, до чтеца, получаетъ служеніе черезъ рукоположеніе (*χειροτομία*), а должностной клиръ—экономы, экдики, парамонаріи и пр. ставятся, представляются (*προβαλλονται*).

Въ основѣ обстоятельнаго во многихъ отношеніяхъ труда г. Неселовскаго „чинъ Хиротоній и Хиротесій“ лежитъ непростительная ошибка, состоящая въ повтореніи давно уже сложившагося предразсудка, многократно уже повтореннаго въ прежнія времена и черезъ то вошедшаго въ составъ преданія искони, совершенно несогласнаго въ этомъ, какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ, съ преданіемъ Церкви, не имѣющаго за собою ни литургическихъ, ни каноническихъ данныхъ. Предразсудокъ самъ по себѣ касается не многого, но влечетъ за собою весьма многія послѣдствія по существу догматическаго характера. „Въ канонической дисциплинѣ, говоритъ г. Неселовскій, не указуя ни въ чемъ выразилось, ни чѣмъ со стороны Церкви освящена эта дисциплина, принято усвоить названіе хиротоніи только поставленію въ іерархическія степени; поставленіе въ низшія степени клира принято обозначать терминомъ хиротесіи. Послѣдній терминъ, какъ и терминъ хиротоніи, употреблялся издревле, но не всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Иногда этимъ словомъ обозначалось поставленіе въ высшія степени клира (*χειροτομία καθ'ιεροσείος* Вальсамонъ Толкованіе на 5 пр. Лаодик. Антиох. 17) иногда поставленія въ низшія (*χειροθεσία ευλογίας* 1 Ник. 19 Халкид. 15, 2 Ник. 14). И только со времени VII в. собора (ап. 14 пр.) установилась терминологія, по которой хиротесія (отъ *χειρ*—рука и *τιθημι*—полагаю) получила значеніе поставленія въ низшія степени клира, а хиротонія—поставленія въ высшія. Эта терминологія удерживается и до настоящаго времени и теперь хиротоніей называется совершеніе самаго таинства священства, а хиротесіей обрядъ поставленія низшихъ клириковъ, хиротонія совершается въ алтарѣ у престола, которому должны служить лица, получающія хиротонію, а хиротесія—внѣ алтаря; хиротонія совершается при поставленіи епископа, пресвитера и діакона, хиротесія при поставленіи низшихъ клириковъ“ (Неселовскій III, IV).

Въ этомъ изложеніи, кромѣ указанія на различіе мѣстъ

совершенія рукоположенія, все отъ начала до конца безусловно невѣрно, какъ повтореніе исконнаго предразсудка. Обиліе невѣрностей побуждаетъ насъ совершать опроверженіе по пунктамъ.

1) Терминологія, по которой хиротесія относится къ *обряду* поставленія въ низшія степени, а хиротоніей называется совершеніе *таинства* священства, установилась якобы съ VII вселенскаго собора (Пр. 14). Это утвержденіе безусловно невѣрно. Терминологія эта, если и установилась когда либо, то во всякомъ случаѣ не съ *времени* VII вселенскаго собора, а *только послѣ времени* VII всел. собора и притомъ неизвѣстно когда. Соборъ и 14 правило его тутъ рѣшительно ни при чемъ. Правило говоритъ только о томъ, что нѣкоторые будучи пострижены въ дѣтствѣ, но, не получивъ отъ епископа рукоположенія (*χειροθεσια*) во чтеца, читаютъ на амвонѣ, что неканонично (*ακανονιστος*). Что же въ составѣ даннаго правила устанавливаетъ различіе между терминами хиротонія, котораго въ правилѣ нѣтъ, и хиротесія, который въ правилѣ упомянутъ? Что же припятствуетъ со времени собора и 14 его правила обоимъ терминамъ обозначать одинъ и тотъ же тождественный по внутреннему и внѣшнему содержанию актъ и относиться къ поставленію какъ въ высшія, такъ и въ низшія степени клира? Рѣшительно ничто. Въ правилѣ говорится только о рукоположеніи чтеца и это рукоположеніе называется хиротоніей, какъ въ 17 Апостольскомъ правилѣ говорится только о рукоположеніи епископа и оно то же называется хиротоніей. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ никакой опредѣленной терминологіи не устанавливается, какъ не устанавливается разъ навсегда никакого различія между хиротоніей и хиротесіей. И тотъ и другой терминъ обозначаютъ рукоположеніе—и только. Насколько не установленнымъ осталось различеніе терминовъ въ Церкви и во весь періодъ послѣ VII вселенскаго собора можно видѣть изъ того, что обрядъ, какъ называетъ его г. Неселовскій, возведенія въ степень чтеца въ теченіи многихъ вѣковъ продолжаетъ называться хиротоніей, а не хиротесіей. И по отношенію къ низшимъ степенямъ, говоритъ Симеонъ Солунскій черезъ семь вѣковъ послѣ собора, совершаются хиротоніи (*χειροτονια γινοντα*), только внѣ, а не внутри алтаря; внутри же алтаря три только хиротоніи совершаются (*τρεις*

χειροτονια πορον χειροττιαι): діакона, пресвитера и епископа. Syn. Thenal cap. XIII). Во всѣхъ приводимыхъ у Дмитріевскаго чинопослѣдованіяхъ рукоположенія чтеца (около 20 за нѣсколько вѣковъ вплоть до 17-го) говорится не иначе, какъ *χειροτονια του σταυρωτου* (Указатель стр. 10). Только въ Чиновникѣ архіерейскаго служенія названный чинъ, по догматическимъ вѣроятно соображеніямъ, названъ почему-то чиномъ поставленія, хотъ и помѣщенъ съ чинами хиротоніи. Въ евхологіи Гоара тотъ же чинъ носитъ наименованіе хиротоніи, а не хиротесіи (Goar. 195—197). Хиротоніей же, а не хиротесіей называютъ его епископъ Барберинскій (IX вѣка; (Неселовскій 42). Если въ древне-русскихъ рукописныхъ чиновникахъ говорится не о хиротоніи, а о поставленіи чтеца (напр. „установъ бываемый на поставленіе чтеца“) (Неселовскій 55), то потому только, что тотъ же терминъ примѣняется и для рукоположенія въ другія степени (Напр. „Чинъ бываемый на постановленіе епископа“) (Неселовскій 274). Итакъ, 14 правило VII в. собора никакого различія между хиротоніей и хиротесіей не установило, вслѣдствіе чего оба термина эти въ теченіи ряда вѣковъ безразлично примѣнялись къ рукоположенію всѣхъ степеней клира, высшихъ и низшихъ.

2) Терминомъ хиротесія, говоритъ г. Неселовскій, рабски слѣдуя своимъ образцамъ, обозначалось въ древности иногда поставленія въ высшія степени, иногда въ низшія“. Слѣдуютъ опять указанія на каноны (Лаодик. 5; Антиох. 17; 1 Ник. 19; Халкид. 15). Это опять совершенно невѣрно. Надо было сказать, что терминомъ хиротесія, какъ и терминомъ хиротонія въ соборныхъ постановленіяхъ безразлично именуется всѣ рукоположенія въ клирѣ, какъ въ высшія, такъ и низшія степени, но только тогда, когда вообще имѣетъ мѣсто рукоположеніе. Прежде всего необходимо отмѣтить, что на сотню приблизительно разъ, когда въ правилахъ соборовъ возведеніе въ церковный чинъ обозначается черезъ хиротонисаніе или хиротонію, всего, если не ошибаемся, пять разъ говорится о хиротесіи: епископа (Антиох. 10, 17), діаконисы (Халкид. 15), чтеца или анагноста (2 Ник. 14), пресвитера, діакона или вообще состоящихъ въ церковномъ чинѣ—*των εν τω εκκλησιαστικω τρωσει* (Халкид. 6). Причина, почему при безусловно господствующемъ значеніи

термина хиротонія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ говорится о хиротесіи, объяснена будетъ далѣе. Пока необходимо констатировать, что хиротесія относится ко всѣмъ вообще въ совокупности рукополагаемымъ степенямъ клира, какъ и въ каждой ея частности. Если говорится о хиротесіи епископа, когда говорится объ епископѣ и о хиротесіи діаконисы или чтеца, когда говорится о діаконисѣ, или чтицѣ, когда говорится о чтицѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она относится къ производству въ одну степень и не относится ко всѣмъ остальнымъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ и о хиротоніи говорится въ правилахъ по отношенію къ одной какой либо изъ степеней рукополагаемаго клира отъ епископа до чтеца или даже пѣвца: но это не доказываетъ, чтобы она не относилась въ одинаковой степени ко всѣмъ. Приведемъ примѣры. „Ни Максимъ Киникъ не былъ или есть епископъ, ни хиротонисанные имъ *въ какую бы то ни было степень клира*“ (1 Константин. 4). „Если какой либо епископъ за деньги сотворитъ хиротонію... и за деньги хиротонисуетъ епископа, или пресвитера или діакона или *кого-либо изъ исчисляемыхъ въ клиръ*... (Халкид. 2) Исчисляемы же, кромѣ означенныхъ, могутъ быть только низшія діакона степени). Рѣшительно никого ни въ пресвитера, ни въ діакона, *ни вообще въ какую либо степень церковнаго чина* не хиротонисать отрѣшенно, а не въ опредѣленную церковь града или села и т. д. (Халк. 6) „Епископовъ или *какихъ бы то ни было (οδοῦ; οηποτε)* хиротонисуемыхъ за деньги *клириковъ* повелѣваемъ извергать, также и тѣхъ, кто хиротонисалъ ихъ“. (Трульск. 22) „Да производятъ канонически хиротонію *разныхъ клириковъ*“ (Трульск. 37). Отсюда явствуетъ, что всѣ рукоположенные члены клира суть хиротонисанные, такъ какъ возведеніе во всякую должность, требующую рукоположенія, совершается черезъ хиротонію. Почему же въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ говорится только о хиротесіи т. е. только о возложеніи рукъ? Да просто потому, что хиротонія обозначаетъ чинъ, какъ совокупность нѣсколькихъ или даже многихъ актовъ, включающихъ въ себя и хиротесію, какъ возложеніе рукъ, а хиротесія обозначаетъ только возложеніе рукъ, какъ срединный и существенный актъ этого чинопослѣдованія, безъ котораго и вся хиротонія не будетъ имѣть никакого значе-

нія. Все это ясно свидѣтельствуется изъ тѣхъ пяти соборныхъ правилъ, въ которыхъ о хиротесіи упоминается. По шестому Халкидонскому правилу клирики, начиная съ пресвитера, какъ и слѣдующіе за діакономъ хиротонисуются, т. е. надъ ними совершается хиротонія; но имѣющая сообщить имъ благодать хиротесія, т. е. возложеніе рукъ, будетъ недѣйствительна (*αχυρον*), если они хиротонисуются не въ опредѣленную церковь, а это будетъ стыдомъ для хиротонисующаго, который очевидно творитъ и хиротесію, какъ составную часть хиротоніи. Діаконисса, по другому правилу того же собора, хиротонисуется (*χειροτονιασαι*), но ежели принявъ возложеніе рукъ (*δεξαμένη την χειροθεσιαν*), вступаетъ въ бракъ, да будетъ предана анаемѣ (Халкид. 15). Очевидно, о хиротесіи упоминается только, какъ о центральной, вѣнчающей части хиротоніи, которая безъ возложенія рукъ или хиротесіи не имѣетъ значенія. Въ томъ же смыслѣ говорится объ епископѣ, принявшемъ рукоположеніе, но не идущимъ въ вѣренную ему церковь (Антиох. 17)⁴. Хорепископы, „принявшіе епископское рукоположеніе—*χειροθεσιαν*, въ противоположность пресвитерскому, т. е. рукоположенные тремя, а не однимъ. (Антиох. 10). Въ правилѣ 2-го Никейскаго собора говорится о принявшихъ въ дѣтствѣ постриженіе причетническое, но не получившихъ рукоположенія отъ епископа въ чтецы (*χειροθεσιαν πας επισκοπων*). Причетническое постриженіе (*κουρα κληρικων*) представляетъ одну часть хиротоніи во чтеца, а хиротесія другую, коей собственно и преподается даръ. Не получившій хиротесіи не получилъ и хиротоніи во чтеца, ибо хиротонія безъ хиротесіи, какъ существенной ея части, не дѣйствительна. Что производятъ надъ епископомъ, пресвитеромъ, діакономъ и т. д. при возведеніи ихъ въ степень? Хиротонію, обязательно включающую въ себя и хиротесію? Что принимаетъ епископъ, пресвитеръ, діакономъ и т. д. при возведеніи ихъ въ степень? Хиротесію—возложеніе руки, коимъ сообщается благодать Духа Святаго. Поэтому-то въ тѣхъ пяти случаяхъ, когда говорится о принятіи ставленникомъ, а не о производствѣ надъ ставленникомъ, каноны и говорятъ о хиротесіи, а не о хиротоніи, хотя упоминаютъ иногда и объ этой послѣдней, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ говорятъ только о хиротоніи, умалчивая о входящей въ составъ ея хиротесіи. Если принять устанав-

ливаемое предразсудкомъ дѣленіе способовъ возведенія въ церковныя степени на хиротоніи и хиротесіи, относя первыя къ возведенію въ высшія степени клира, а вторыя—къ возведенію въ низшія, то слѣдовало бы признать, что возводимыя въ высшія степени—епископа, пресвитера, діакона не рукополагаются и не получаютъ благодати Духа Святаго, а преимуществвомъ этимъ пользуются и обладаютъ только носители низшихъ степеней, начиная съ иподіакона и чтеца. Велика власть предразсудка! По этой предразсудочной терминологіи выходило бы, что возложеніемъ руки—хиротесіей—называется такой видъ возведенія въ степень, въ которомъ возложеніе руки не производится, а протягиваніемъ руки—хиротоніей—другой, въ которомъ именно предполагается возложеніе руки и въ которомъ оно обязательно совершается. Но такое различіе было бы явно бессмыслицей, почему оно и находитъ себѣ мѣсто только въ близкихъ учебникахъ и компиляціяхъ.

3) „Хиротесія совершается при поставленіи низшихъ клириковъ“. Было бы по меньшей мѣрѣ странно обозначать черезъ хиротесію или рукоположеніе такіе способы поставленія въ клиръ, въ которыхъ именно рукоположеніе и отсутствуетъ и которое именно отсутствіемъ рукоположенія и отличается отъ возведенія черезъ хиротонію. О какихъ же поставленіяхъ можетъ идти въ данномъ случаѣ рѣчь, если мы выключимъ поставленіе чтеца, которое какъ уже было сказано называется хиротоніей, а не хиротесіей? Г. Неселовскій приводитъ въ своей книгѣ подъ рубрикой хиротесіи чины поставленій привратника, заклинателя, свѣщеносца и клирика или причетника вообще. Чины поставленія привратника и заклинателя хиротесіями называемы быть не могли по той простой причинѣ, что въ Греціи и на Востокѣ вообще такихъ постановленій вовсе не существовало, а на Западѣ, гдѣ существовали они, они носили общее наименование ординаціи. Такое наименование ихъ не заключало въ себѣ *contradictio in adjecto*, какъ было бы при наименованіи ихъ хиротесіями, ибо *ordinatio* — назначеніе рукоположенія или возложеніе рукъ не подразумѣваетъ. А оно то именно и являлось отсутствующимъ. По 9 прав. IV Карфагенскаго собора чинъ поставленія остіарія—привратника совершается такъ: *ostiarius cum ordinatur, postquam ab archidiacono fecerit, qualitu in domo Dei debet consuersari, ad suggestionem archidia-*

coni, tradat ei episcopus claves ecclesiae de altario dicens: sie aq̄e quasi rediturus Deo rationem pro his rebus, quae his claribus redudantur.

Здѣсь нѣтъ ни рукоположенія, ни молитвословія, а все ограничивается передачею ключей изъ алтаря и наставленіемъ совершать свое дѣло „яко Богу назирающу“. При поставленіи заклинателя рукоположеніе тогда не совершалось, ибо все ограничивалось только врученіемъ готоваго сборника, формуляра заклинаній и словами: „Прими и поручи своей памяти и да имѣешь ты власть возлагать руку (imponandi manus) на одержимаго бѣсомъ, крещеннаго или оглашеннаго“. Чинъ поставленія свѣщеносца носить названіе не хиротесис, а проручества (*ταξίς χειροτονη εν προχειρισει κηροφορον και δεποτατου*—*Дмитріевскій* 436. 642. 997) или хиротоніи (*ταξίς χειροτονη εν χειροτονια κηροφορον και βαбταραση*—*Дмитріевскій* 691). Рукоположеніе (*χειροθεσια*) въ немъ не совершается. Вся суть поставленія сводится только къ благословенію ставленника, чтенію одной молитвы (Иже всю тварь просвѣтивый свѣтомъ чудесь Твоихъ, Господи...) и облаченіи въ одежду, назначенную для свѣщеносцевъ. Свѣщеносцы и депотаты принадлежали къ числу тѣхъ прислужниковъ, о которыхъ говоритъ Корнилій при осчисленіи римскаго клира. Они состояли въ Византіи 4 и 5-мъ нумерами девятой пентамы праваго хора и какъ всѣ прислужники набирались прямо изъ мірянъ. Назначеніе депотатовъ было по словамъ Гоара, приглашеніе церковныхъ архонтовъ къ архіерею, т. е. должность посыльнаго; на немъ же лежала обязанность „очищать дорогу отъ народа, когда архіерей захочетъ выйти въ городъ или окрестности, шествуя передъ нимъ“. Въ церкви онъ долженъ былъ наблюдать порядокъ при подходѣ къ Св. Причащенію и носить свѣчу при выносѣ Евангелія и при великомъ выходѣ. Должность свѣщеносца (*κηροφορος*) ограничивалась только этою послѣднею обязанностью. Въ одной пентадѣ съ ними, но подъ первымъ нумеромъ, числились привратники патріаршаго жилища, швейцары (*οι δομεστικοι των θηρων*) наблюдатель за церковнымъ поломъ (*ο επι της ποδασ*) и старшій носильщикъ гробовъ (*ο δεχαρος* № 16) (*Zischmann* 175—177). По свидѣтельствѣ Симеона Солунскаго, поставленіе свѣщеносца въ XIV вѣкѣ въ Греціи уже болѣе не совершалось. Когда, именно, перестало оно совершаться во всей Греціи, мы не знаемъ, такъ какъ Симеонъ Солунскій говоритъ только, что они не совер-

шаются и совершенно прекратились, хотя въ Фессалонійской церкви совершались еще недавно (§ 194). Когда же начали совершать эти поставленія? Разумѣется не въ соборный періодъ, ибо въ правилахъ ни о свѣщеносцахъ ни о депютахъ не говорится, хотя перечисленіе чиновъ клира не одинъ разъ совершается. Есть полное основаніе предполагать, что чинопослѣдованіе поставленія свѣщеносца и депютата стоитъ въ зависимости отъ латинскаго чинопослѣдованія ординаціи аколитовъ, осуществлявшихъ на Западѣ почти тѣ же обязанности. Во всякомъ случаѣ поставленіе свѣщеносцевъ и депютатовъ представляетъ ординацію, а не рукоположеніе, въ силу чего хиротосією и не называется. Остается, по разъясненіи поставленія свѣщеносца, еще чинъ поставленія клирика или причетника, который, какъ признаетъ самъ г. Неселовскій проникъ въ южно-русскую церковь съ Запада и весьма близко подходит къ западному ритуалу *de clericis faciendis*. Изъ греческихъ евхологіевъ мы знаемъ только въ Барбериновскомъ (IX вѣка) молитву на производство клирика изъ мірянина—*εὶς τὸ κληρικὸν ἢ λαϊκὸν κληρονομ.* Изъ содержанія ея, говоритъ г. Неселовскій, видно, что переходъ мірянина въ клиръ совершается однимъ только постриженіемъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ Греціи въ VII и VIII вѣкахъ, а можетъ быть и въ началѣ IX существовалъ обычай принимать въ клиръ, безъ возведенія въ какую либо его степень. Но обычай этотъ, какъ признаетъ и самъ г. Неселовскій, былъ только злоупотребленіемъ, которое, какъ таковое и осудилъ VII Вс. соборъ. Но какъ явствуетъ изъ правила, постриженіе въ клиръ и не составляло особаго чина. Совершалось постриженіе, входящее въ составъ хиротоніи чтеца, а получающіе это постриженіе противозаконно мнили себя правоспособными для исполненія обязанностей чтеца. Это доказываетъ только то, что въ эпоху VII в. собора—клиръ, по господствующему представленію, начинался со степени чтеца, даваемой черезъ хиротонію и никакихъ хиротесій въ смыслѣ поставленія въ низшія степени клира не существовало, какъ не существовало и самихъ степеней, ибо фактическій клиръ, признаваемый и государствомъ, не совпадалъ съ іерархическимъ клиромъ.

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)